

ЕКАТЕРИНА ПЕТРОВНА МЯЗИНА

Снег падал большими, тяжелыми хлопьями. Они ложились на разгоряченное лицо, таяли, и холодные струйки стекали за ворот ветхой шубенки. Но девочка не замечала ни снега, ни праздничной суеты на улицах, ни витрин магазинов, у которых она обычно долго простаивала, любящая красивыми, недоступными ей вещами.

Перед ней носился таинственный облик Демона, звучали сказочно красивые слова и мелодии, она витала среди ярких красок и звуков.

Только что там, за раздвинувшимся занавесом, предстал перед ней новый, переводимый мир, он околдовал ее. Шедшая рядом подвижная, что-то без умолку болтавшая, подруга воскликнула:

— Катюша, что с тобой? Ты плачешь?!

Это было давно, в Воронеже, когда Екатерина Петровна Мязина впервые попала в театр на спектакль, поставленный в рождественские дни для детей бедняков.

И тогда у дочери кухарки, десятилетней девочки, живущей из милости у господ, появилось желание вот так же волновать людей, переносить их в волшебные миры.

Каждое лето Катя уезжала в село Дмитриевку под Воронежем, где жило многочисленное бабушкино семейство. Нужда прочно обосновалась в избушке Мязиных—она выгнала родителей Катю на заработки. Отец ушел куда-то на постройку железной дороги, да так и не вернулся, а мать, работая прислугой, с русской настойчивостью решила дать дочери образование. Выговорить право держать ребенка при себе было делом нелегким, но она добилась его. Когда заканчивались занятия, Катя уезжала к бабушке. На этот раз она особенно стремилась в деревню потому, что ре-

шила ставить там «Демона». Она вдохновенно рассказывала сверстникам о виденном спектакле, и вскоре перед детворой появился «Демон» с крыльями из лопуха, обвешанный прямыми пакли. Зрелище оказалось столь потрясающим, что наиболее юные зрители пустились в рев и пожаловались бабушке, что «Катка чертей представляет». За это «кощунство» директору, режиссеру и главному исполнителю изрядно попало.

Так бесславно кончился первый дебют Екатерины Петровны Мязиной, но он навсегда оставил след в ее жизни потому, что тогда впервые блеснула в человеке искра, которой впоследствии суждено было разгореться.

Самым светлым и радостным в детстве была неутомимая, святая любовь к театру. Год от году она становилась как-то строже, определеннее, но сначала ребенок, потом девушка жила этой любовью.

С 4 класса гимназии Катя Мязина начала заниматься репетиторством, чтобы прибавить гроши к скудному материнскому заработку. В осеннюю слякоть, зимнюю стужу она бегала в грязные концы города к своим ученикам. Теперь появилась возможность хоть изредка покупать за двугривенный билет в театр.

По окончании 7 классов гимназии Екатерина Петровна поступила на учительские курсы. Здесь впервые она увидела свет рампы. Студенты решили ставить любительский спектакль. Главную роль пьесы о страданиях «бедной родомонны» исполняла Мязина.

Разучивание роли, репетиции, наконец, спектакль захватили ее. То были сладостные дни первого творчества. Всем, кто стоял близко к искусству, понимал его, стало ясно, что эта молчаливая, застенчивая девушка

Катюша Мязина—актриса! Ее настойчиво уговаривали «бросить учебу и уйти на сцену. Практически осуществить это, конечно, было не так просто. Вокруг бушевала гражданская война, Екатерина Петровна не имела никаких связей с Москвой, куда ей советовали ехать. Но теперь мысли о работе в театре стали настойчивее.

Девушка с тем же, как в детстве, трепетом посещала спектакли, она переплющивалась в героев пьес и прочитанных произведений, наблюдала людей и, как-то незаметно для себя, проникалась их радостями и горестями. Актриса жила в ней. Совершенно неожиданно мечте суждено было осуществиться. В Воронеже открылись театральные курсы. И в 1922 году по окончании их Екатерина Петровна уехала с труппой в Острогоorsk.

Пошли годы настоящей творческой работы. Менялись города—Архангельск, Майкоп, Бердянск, Новороссийск, Шахты, Грозный, Ставрополь, Армавир, Сочи, Краснодар. Менялись зрители, то это были интеллигенты, то рабочие заводов, нефтяных промыслов, угольных шахт, то колхозники. И Екатерина Петровна видела и чувствовала, как всех этих людей объединяет одно общее—огромная любовь к искусству, понимание его.

Как-то, в период становления колхозов в Краснодарском крае, труппа приехала в поселок поздно. Задержались в пути, и колхозники, не дождавшись актеров, разочарованные разошлись по домам. Уже погасли огни, когда по поселку разнеслась весть:

—Приехали! Артисты приехали!

И вот люди, встав с постелей, шли на площадку, где были оборудованы подмостки.

Свежий весенний ветер нес с полей горький запах земли, в темноте мелькали огни, слышался радостный говор. Чувствовалось что-то торжественно-праздничное в этой обстановке.

Но беда, что сцена оказалась более чем примитивной, что артистическая

уборная помещалась в огромном колесе, который колхозники собирались утром бросить в землю. Играли вдохновенно потому, что вокруг стояла толпа зрителей, которые только теперь приобщались к искусству и принимали его всем умом, всем сердцем.

Мязина, внучка крепостного, знала этих, когда-то изголодавшихся нуждой, обеспокоенных людей. Всего несколько лет назад смешно было бы думать, что они среди ночи будут жадно ловить слова классических пьес, восторженно аплодировать исполнителям. И сознание, что народ стал иным, что ему предоставлены все блага мировой культуры, заставляло Екатерину Петровну еще строже подходить к своей работе, еще придирчивее относиться к каждому штриху создаваемого образа.

Мязина не получила большой театральной школы, с ней никогда не работали крупные деятели сцены—талант актрисы развивался самообытно, она самостоятельно шла к высотам драматургического мастерства. И путь был правилен потому, что она хотела, чтобы там, за рампой, все было как в жизни. Она научилась наблюдать людей, находить и отбирать в них характерные черты, научилась оценивать явления жизни и, когда перед актрисой предстал новый сценический образ, она начинает создавать глубоко реалистический рисунок его, обращаясь к жизни.

Этот сложный процесс рождения образа протекает мучительно, напряженно, подчас чувствуется, что где-то нужно положить лишний штрих, где-то смягчить тон, где-то усилить. Но где?

Мало кто догадывается, сколько труда, сколько крепотливых исканий, сколько нервного напряжения потрачено этой удивительно скромной и требовательной к себе женщиной на каждую роль.

И вот Мязина предстает перед зрителем то непоколебимым, самоотверженным борцом, проникнутым револю-

ционной страстью («Любовь Яровая»), то до глупости наивной барынькой («Волки и овцы»), то разухабистой бандиткой («Земля»), то актрисой, пригнетенной идиотизмом царской России («Враги»).

Каждой ролью Екатерина Петровна Мязина несет в зрительный зал большую художественную правду.

Образы, созданные Мязиной в нашем областном драматическом театре, не забываются, так как они жизненно и художественно правдивы, в них звучит многообразная гамма человеческих чувств.

Крепотливость, упорство, настойчивость, с которыми Екатерина Петровна работает над сценическими образами, распространяются и на ее общественную деятельность, на каждое дело, за которое она берется.

Долгое время Мязина—член областного комитета профессионального союза работников искусства, она—постоянный помощник в работе кружков художественной самодеятельности, активный член своего театрального коллектива. И замечательно, что обширная общественная деятельность Екатерины Петровны проходит как-то незаметно, но всегда опутительно. Окружающие привыкли к тому, что она не всегда скажет, но всегда сделает.

15 ноября Екатерина Петровна исполняла роль Надежды Шадриной в спектакле «Человек с ружьем». В этот образ русской крестьянки Мязина вложила много из личной жизни. Она видела в нем свою мать, свое детство, вновь переживала дни величайшего в истории человечества перелома, который принес ей самой новую жизнь.

Имя Мязиной названо в числе лучших людей нашей области, беспредельно преданных родине, партии Ленина—Сталина, и это—высшая оценка творческой и общественной работы актрисы, оценка, данная народом.

Н. МИЗИН.